

О ЖАНРЕ И КОМПОЗИЦИИ «CONSOLATIO AD MARCIAM» СЕНЕКИ

Произведение философа академической школы Крантора «Περὶ πένθους» (IV—III вв. до н. э.) положило начало новому жанру в античной литературе, жанру *consolatio*, что в переводе означает 'утешение'.¹ Внимание ученых привлекают вопросы текстологического характера,² связь этого жанра с произведениями древних поэтов и философов,³ и в настоящее время он исследуется с точки зрения философии и психологии.⁴ Чисто литературоведческие вопросы не ставились, лишь косвенно затрагивался вопрос о композиции и литературном значении *consolatio*.⁵

Consolatio — это прозаическая речь небольшого объема. По содержанию ее можно отнести к популярно-философской литературе, где своими рассуждениями автор стремится убедить читателя в том, что долгая скорбь не присуща человеку, она унижает его достоинство и даже является пороком. Утешительные произведения имели определенную схему: введение, где говорилось об утешении как о долге друга, о цели послания, и рассуждения о благоприятном времени, когда утешителю следует приступить к осуществлению своей цели. В основной части изложения автор старается доказать, что скорбь безосновательна; приводит примеры стойкости и мужества других при перенесении подобного горя. Как по ходу рассуждений и доказательств, так и в специальной части утешительного послания даются советы и наставления, как следует вести себя при этих обстоятельствах. В заключении автор, уповая на силу своих доводов, разум и величие души адресата, выражает надежду, что тот прекратит бесполезную скорбь и этим доставит радость себе, друзьям и тому, кого оплакивает.

В настоящей статье будет разобрано произведение Сенеки «*Consolatio ad Marciam*», созданное в 41 г. н. э. Сенеку, представителя римского стоицизма, в основном привлекает этическая сторона философии. «Задача его философии — научить жить и научить умереть, дать внутреннюю независимость и душевный покой при сохранении форм жизни, привычных для римской верхушки».⁶ Хотя «*Consolatio ad Marciam*» относится к ранним произведениям Сенеки, это — создание зрелого писателя, к тому времени уже прославленного оратора и популярного философа.

«*Consolatio ad Marciam*» обращено к знатной римлянке, дочери историка Авла Кремуция Корда, по поводу преждевременной смерти ее сына. Утешительное послание Сенека строит по определенным правилам ораторской речи. Основной вопрос речи — поведение скорбящего при потере близкого человека.

Сенека обвиняет Марцию в длительной скорби, которую он считает неестественной и причину которой видит в *opinio*. «Но тоска по близким есть нечто вполне естественное. — Кто станет отрицать это, пока она находится в границах? Ибо даже отсутствие, а не только потеря дорогих людей причиняет нам боль и сжимает самые мужественные сердца. Но *opinio* вносит в горе больше того, что вызывает природа» (VII, 1). Сенека, пользуясь той аргументацией, которая установилась в жанре утешений уже до него, не во всем следует традиции. В отличие от «*Consolatio ad Apollonium*», приписываемого Плутарху и находящегося под сильным влиянием трактата «Περὶ πένθους» Крантора, Сенека во вступлении не выражает соболезнования адресату, наоборот, в соответствии со своими стоическими взглядами прямо отстраняет этот традиционный мотив, указывая на то, что скорбь не может быть свойственна мужественному характеру. Былые несчастья, по мнению Сенеки, должны закалять душу человека, поэтому он напоминает Марции о смерти ее отца, которую она перенесла стойко, и это дает право автору требовать, чтобы она и в этом случае поступила так же. Поскольку все предшествующие утешения были напрасны, Сенека твердо заявляет о своей цели начать с этой скорбью борьбу.

Переходя к основной части утешения, Сенека изменяет традиционный порядок: считая, что на Марцию более действуют великие имена и авторитеты, нежели сухие наставления, начинает свою речь не с поучения, а с примеров. Он описывает Марции поведение Октавии и Ливии, сестры и супруги императора Августа, также перенесших смерть сыновей. Обе женщины вели себя по-разному. И Сенека предлагает Марции сравнить два противоположных примера поведения и убедиться, как вредна безмерная скорбь и что ожидает Марцию, если она последует примеру чрезмерно скорбящей Октавии. «Если ты хочешь следовать первому примеру, то ты вычеркиваешь себя из числа живых: ты отвернешься и от чужих, и от своих детей, и от него [т. е. покойного], и, тоскуя, ты будешь являться печальным предзнаменованием матерям: ты будешь отталкивать достойных друзей как неприличных в твоём положении... ты покажешь, что ты не хочешь жить и не можешь умереть» (III, 3). Жизнеутверждающее поведение Ливии наиболее достойно характера Марции, и Сенека дает ей советы, которые в свое время получила Ливия от философа Арея.

Далее Сенека переходит к следующей системе доказательств, благодаря которой скорбящая должна понять, что своей скорбью она ничего не изменит. «...Если никакие рыдания не могут изменить неподвижной и навек твердо стоящей судьбы, если смерть отказывается вернуть то, что она захватила, прекрати скорбь, которая бесполезна» (VI, 2). Сенека доказывает, что длительная скорбь неестественна, со временем она все равно пройдет, но человек сам может и должен ускорить

этот срок. Он предъявляет следующее требование к Марции: «Насколько к красоте твоего характера больше подходит положить своему горю конец, чем ждать, и не дожидаться того дня, когда скорбь прекратится против твоей воли, откажи ей сама!» (VIII, 2). Бессмысленно оплакивать отдельные несчастья, когда вся жизнь печальна. В мире все совершается по общим законам природы, и смерть — это предел, к которому придут все; поэтому человек должен всегда помнить, что он смертен и смертное родил на свет. Подобными рассуждениями автор подводит читателя к мысли, что нужно смириться и терпеливо переносить все то, что неизбежно, так как изменить законы природы не под силу ни одному смертному.

После общих рассуждений Сенека обращается к своему адресату с вопросом: «Взгляни на свое горе, Марция! Основано ли оно на твоём несчастье или на несчастье умершего, если оно вообще имеет какое-нибудь основание?» (XII, 1). Этим традиционным вопросом вводятся две следующие системы доказательств. В первой из них рассматривается судьба скорбящей в зависимости от ее нового положения. Сенека пытается выяснить причину ее длительной скорби: вызвана ли ее скорбь тем, что с потерей сына она лишилась тех радостей, которые получала от общения с ним, или надеялась получить больше, если бы он оставался в живых. На это Сенека отвечает: «Если ты не получала наслаждение, тебе легче перенести потерю, ибо люди меньше стремятся к тому, что не дает им ни радости, ни отрады. Если же ты утверждаешь, что получила от своего сына большую радость, то ты не должна жаловаться на то, что это было от тебя отнято, а благодарить за то, что ты получила» (XII, 1). Таким образом, одной из причин безмерной скорби Сенека называет человеческий эгоизм, что не делает чести скорбящей.

В том, что произошло, ничего нет необычного, ибо великое счастье не бывает продолжительным: ведь многим другим пришлось испытать то же, что и Марции, и пусть примеры тех великих людей, кто своей стойкостью «смягчали суровую судьбу», послужат для нее некоторым утешением. Сенека приводит ряд исторических примеров, чтобы Марция убедилась в том, что ее положение не является исключительным. «Ты видишь как этот ураган пронесется по вселенной, разорвет все без разбора и унесит, как свою собственность. Сравни положение каждого: никому не выпадает на долю родиться в безопасности» (XV, 3).

Скорбящего огорчает мысль, что больше не будет рядом любимого человека. По мнению Сенеки, это легко перенести, ведь никто не плачет об отсутствующих. «Представим, что они отсутствуют и, таким образом, будем обманывать себя. Мы их отправили: да, мы отправили их вперед, чтобы потом последовать за ними» (XIX, 1). Из этого следует, что скорбящий имеет надежду встретиться с умершим там, куда ведет одна общая дорога,

куда придут все, в том числе и он. Таким образом, он может утешиться этой надеждой, а пока перетерпеть временную разлуку, как это терпели многие до него и будут терпеть после.

Тот, кто чрезмерно скорбит, вызывает подозрение, что он сожалеет не об умершем, а о своих выгодах. Благородной Марции подобная эгоистическая скорбь не свойственна, говорит Сенека; причина ее скорби заключается в истинном чувстве любви к умершему и беспокойстве о его дальнейшей судьбе. Ей кажется, что умершему плохо, он рано лишился жизненных благ, любви близких и после смерти испытывает много зла.

Затем автор переходит к следующей системе доказательств. «Что же удручает тебя, Марция? То, что твой сын умер, или то, что он недостаточно долго жил?» (XIX, 3). Но, во-первых, рассуждает Сенека, Марции было известно, что согласно закону природы ее сын непременно умрет. К тому же Марция глубоко заблуждается, думая, что в смерти заключено зло. «Подумай, что умершего не трогает никакое зло» (XIX, 3). Все, что рассказывают о смерти ужасного, не имеет основания: всяческие рассказы о судилище, реке забвения и тому подобное является пустой выдумкой поэтов. «Смерть есть освобождение и конец всем печалям, наши несчастья не переходят за ее пределы, она возвращает нам тот покой, которым мы пользовались прежде, чем родились» (XIX, 3). Смерть нельзя назвать ни злом, ни добром, она не может принести несчастье, ибо «не может быть несчастным тот, кто не существует» (XIX, 4). По мнению Сенеки, человек недооценивает смерть, которая при любых невыносимых обстоятельствах всегда готова предоставить свободу, «против несправедливости жизни я имею благодеяние смерти» (XX, 4). Во-вторых, Марцию огорчает мысль, что ее сын рано лишился жизненных благ. Люди надеются на будущее, наивно ожидая радости, и не думают о том, что будущее может принести много горя. «Подумай, как много хорошего имеет современная смерть; многим повредило то, что они жили слишком долго» (XX, 4). В подтверждение этой мысли Сенека приводит примеры из римской истории, ссылаясь на судьбу Гн. Помпея, М. Цицерона и М. Катона.

Если Марция скорбит по той причине, что ее сын умер слишком рано, то на это Сенека отвечает, что любая человеческая жизнь, особенно если ее сравнить с вечностью, окажется короткой, к этому он добавляет, что понятие «ранняя смерть» неправильно. «Каждому дан различный запас жизненной энергии: никто не умирает слишком рано, так как он не должен жить дольше, чем жил» (XX, 10). Поэтому следует считать, что сын Марции «достиг предела установленного возраста», и у Марции нет основания расстраивать себя мыслью, что ее сын мог бы жить дольше.

Нельзя думать, что смерть лишила сына Марции счастья. Ведь человеческое счастье непостоянно, и никто не может пору-

читься за его сохранность в будущем. Также нельзя поручиться, что сыну Марции удалось бы до старости сохранить свою красоту и здоровье. Примеры древности говорят, что нельзя надеяться на достойное завершение жизни: изгнание — невинному Рутилию, тюрьма — мудрому Сократу, добровольная смерть — благочестивому Катону. Итак, заключает Сенека: «...природа лучше поступила с теми, кого быстро увела в безопасное место, потому что их ожидала та же жизненная награда» (XXII, 5). Сенека напоминает Марции горькое время временщика Сеяна, когда отец Марции, Кремуций Корд, благодаря смерти приобрел себе свободу. Таким образом, сына Марции можно назвать счастливым, так как судьба позаботилась о нем, избавив от вечного страха за будущее и предоставив ему безопасное место.

И еще один аргумент приводит Сенека в пользу смерти: «...путь к небу легче для душ, быстро освободившихся от общения с людьми: ибо они получили меньше грязи и бремени» (XXIII, 1). К этому Сенека добавляет: «Великим душам никогда не было приятным долгое пребывание в теле, они стремятся его оставить и вырваться...» (XXIII, 1). Так как сын Марции, несмотря на молодые годы, по своим достоинствам достиг полной зрелости, то вполне естественно следовало ожидать его близкой смерти. «То, что достигло высшей точки, близко к концу» (XXIII, 2): и Сенека советует Марции ценить своего сына не по годам, а по добродетелям, «в таком случае он жил достаточно долго» (XXIV, 1).

И, наконец, самый веский аргумент античных авторов утешительных посланий — обещание блаженной жизни после смерти. Сенека дает традиционную *laudatio* умершему и уверяет Марцию, что погиб только образ ее сына, «сам же он вечен и теперь находится в лучшем положении, свободный от чуждого бремени и предоставленный самому себе» (XXIV, 3). Марции незачем ходить на могилу сына, там лежат только кости и зола, сам же он достиг высоты и «вращается среди счастливых духов; и его принимает священный сонм Сципионов и Катонов, презирающих жизнь и освобожденных благодаря смерти» (XXV, 1). Сенека рисует настоящее положение сына Марции, который под руководством деда (отца Марции) с радостью будет познавать тайны природы. Теперь же, когда Марция все это знает, она должна вести себя с достоинством. «Итак, держи себя, Марция, так, как будто ты стоишь под взглядами отца и сына, но не тех, которых ты знала, а гораздо более возвышенных и стоящих на большей высоте: стыдись за все низменное и обычное и за то, что ты оплакиваешь своих, превратившихся в высшие существа» (XXV, 3).

Последняя глава в отличие от «*Consolatio ad Apollonium*», которое заканчивается пожеланием другу набраться мужества и оставить скорбь, у Сенеки представляет собой как бы *consolatio* в миниатюре, где еще раз приводится ряд аргументов в

пользу смерти, освободившей сына Марции от мира страха и неустойчивости, предоставив ему лучшее и надежное место. Итак, бессмысленно оплакивать того, кто находится в лучшем положении, кому известны тайны природы, «возможно обозрение каждого момента, как прошедшего, так и будущего». Часть этой истины Сенека открывает Марции, предлагая ей последнее утешение. «И если общая участь может послужить утешением в твоей скорби, знай, ничто не останется на том месте, где стоит: время все разрушит и уведет за собою» (XXVI, 5). Эта глава звучит как обвинение Марции за ее безрассудную скорбь.

Таким образом, композицию «*Consolatio ad Marciam*» можно представить в следующем виде:

I. Введение. Главная мысль здесь сводится к тому, что скорбь — это порок, особенно для человека, обладающего большой душевной силой. Определена цель послания — бороться с этой скорбью (I).

II. Основная часть. Построена на аргументах и рассуждениях, последовательно подтверждающих следующие положения: скорбь вредна, скорбь не может ничего изменить, жалобы безосновательны. Эти аргументы можно разбить на следующие системы доказательств.

1. К первой относятся убеждения оставить скорбь, потому что скорбь — это болезнь, и как всякая болезнь она приносит вред человеку. Пример Октавии — наглядное тому доказательство (II—V).

2. Поскольку автор видит причину скорби в преувеличении скорбящим собственного горя и исключительности своего положения, то вторая система содержит все аргументы для убеждения скорбящего в том, что страдать ему, как и всем людям, определено природой: такова человеческая судьба; по этой причине от страдания никто не избавлен. В мире все подчиняется определенным законам природы, блага преходящи, смерть — неизбежный конец, и человек, как и все существующее на земле, должен помнить о законе необходимости. Утешающее воздействие этой системы доказательств состоит в том, что скорбящий не может считать себя исключением, как будто бы горе приходится терпеть только ему одному, как он думал раньше, и понимая тщетность своих жалоб и то, что изменить что-либо не в его силах, должен согласиться, что неизбежное надо переносить спокойно и мужественно (VI—XI).

3. К третьей системе доказательств относятся аргументы, которые касаются судьбы скорбящего в связи со случившимся. Марция не имеет основания жаловаться на свою судьбу, так как она все-таки имела большое счастье и должна быть за это благодарна. «Но лучше, — говорит Сенека, — что оно у тебя было, чем если бы вообще его не досталось, так как если располагать выбором, лучше ли быть счастливой, но не надолго, или никогда, то лучше пусть выпадут нам на долю преходящие

блага, чем никакие» (XII, 3). Итак, Сенека считает, что одной из причин скорби является человеческая жадность, стремление получить как можно больше радости. Исцеляющее действие этих доказательств состоит в том, что скорбящий узнает, какое впечатление он производит на окружающих, которым известна настоящая эгоистическая причина его скорби, поэтому он, естественно, не заслуживает сочувствия, а наоборот, своим поведением вызывает неудовольствие и даже презрение. И только благородная скорбь, которая является выражением любви и заботы о любимом, заслуживает утешения (XII—XIX, 2).

4. Последняя система доказательств касается дальнейшей судьбы умершего. Цель их убедить скорбящего в ошибочности его мнения, что смерть причинила любимому зло. Наоборот, смерть освободила его от истинного зла, и благодаря ей он находится в лучшем положении. Значит, скорбь неуместна, так как нельзя скорбеть о том, кто счастлив. И если твоя скорбь искренна, то новое положение того, о ком ты скорбишь, может вызвать только чувство радости за него, а не скорби (XIX, 3—XXV).

III. Заключение. Сенека суммирует основные положения сказанного, дает эмоциональное усиление этих положений с помощью рассуждений о том, как плохо все на земле и каких благ достиг сын Марции, будучи в «ином мире». Итак, кто безмерно скорбит, тот причиняет себе вред по собственному невежеству (XXVI).

То обстоятельство, что утешительное произведение создано по поводу конкретного случая и направлено определенному лицу, накладывает свой отпечаток на этот жанр литературы. Зная, что собой представляет адресат, его семейное и общественное положение, автор может с большей точностью предполагать, на что особенно может жаловаться адресат, и в зависимости от этого автор подбирает соответствующие аргументы; некоторые он найдет нужным опустить или, наоборот, ввести новые. С одной стороны, структура утешительных посланий обусловлена требованиями жанра, с другой, — как это естественно для произведений на случай, подвержена изменениям, зависящим от обстоятельств, вызвавших появление конкретного произведения.

Сенека строит произведение по правилам ораторской речи, четко выделяя основные вопросы, вокруг которых он группирует аргументы. Своей речи он придает форму мнимого диалога с Марцией, что дает ему возможность излагать материал не догматически, а дискуссионно. При этом диалогическая форма придает речи Сенеки естественность; обращения к Марции наполняют произведение особой теплотой и в то же время служат переходом от рассуждений общего порядка к частному случаю.

Историческая обстановка, сложившаяся в Риме в I в. н. э., объясняет нам возросшую потребность в произведениях жанра утешения. Во времена правления императоров процветали обвинения в «оскорблении величества», которые влекли за собой смертную казнь или же самоубийство по приказу императора. Внезапно уходили из жизни видные члены римского общества. Все это делает для нас понятной потребность в утешениях, обращенных к родственникам и близким погибших.

Несмотря на пессимистические рассуждения о жестокой судьбе, непостоянстве человеческого счастья, о тяготах жизни и восхваления смерти, *consolatio* имела жизнеутверждающий характер; ее цель — помочь другу освободиться от скорби и тем вернуть его к нормальной жизни.

Примечания

¹ Gericke A. De consolationibus. — "Tirocinium philologum sodalium Regii seminarii Bonnensis". Berolini, 1883, p. 33.

² Buresch C. Consolationum a Graecis Romanisque scriptarum historia critica. Diss. Lipsiae, 1886, S. 40—63.

³ Schantz O. De incerti poetae consolatione ad Liviam deque carminum consolatoriorum apud Graecos et Romanos historia. Diss. Marburgi, 1889.

⁴ Johann H. T. Trauer und Trost. München, 1968.

⁵ Studnik H. H. Die consolatio mortis in Senecas Briefen. Diss. Köln, 1958, S. 21—27.

⁶ Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1957, с. 424.

Л. Т. ЛЕУШИНА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛАТИНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (ЛАТ. SALVUS, SOL (I) DUS, SOLLUS

Вопрос об этимологии слова *salvus* 'невредимый, целый, здоровый' нельзя считать решенным во всех деталях, несмотря на то, что исследователи уделяли ему достаточно много внимания. Путем сопоставления аттического *ὅλος* 'целый, полный, весь' с ионической формой *ὅλλος* было восстановлено общегреческое *ὅλφος*, которое вместе с древнеиндийским *sárgvas* 'невредимый, весь' признано идентичным латинскому *salvus* уже со времен А. Потта.¹ И в самом латинском языке найдены слова, родственные *salvus*: *solidus*, *soldus* 'плотный, твердый, полный, целый, весь', *sollus* 'целый, полный', *sólus* 'один, единственный' и т. д.